

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Мананкова Р.П.

Завершается работа над третьей частью Гражданского кодекса РФ, важнейшего акта, в каждой норме которого прямо или косвенно запечатлен кропотливый и не всем заметный труд советских и теперь российских цивилистов. Этот закон – памятник всем живым и ушедшим от нас труженикам науки. Все, что потребовалось обществу, выброшенному в рынок сделано сравнительно быстро и качественно. Разбитая вдребезги от одних только слов “частная собственность” система гражданского законодательства СССР на наших глазах путем невообразимых в обычное время проб и ошибок с принятием ГК постепенно трансформируется в стройную систему нормативных актов России.

Предстоящие годы при благоприятном развитии общества необходимо заполнить работой по совершенствованию законодательства. Основные направления этой деятельности представляются следующими.

Во-первых, необходимо восполнить пробелы, обусловленные главным образом неопределенностью политических позиций руководства страны. Без принятия Земельного кодекса механизм правового регулирования отношений с недвижимостью как бы законсервирован. Императивные, грозные по духу, нормативные акты в действительности пугают только обывателей. На федеральный закон “О товариществах собственников жилья”, самый сложный по структуре, способный при грамотной реализации его норм развязать многие узлы, в Томской области чиновники серьезно не отреагировали.

Во-вторых, следует завершить формирование института вещных прав. Возможно на первом этапе четче обозначить его контуры, поскольку уже появляются в печати сомнения в самом факте существования этого института в новом ГК. Предлагается вариант определения понятия вещного права.

Вещное право – основанная на законе возможность субъектов гражданского права осуществлять владение, пользование, распоряжение в полном или частичном объеме индивидуализированной вещью, характеризующаяся специфическими свойствами и обеспечиваемая особым режимом защиты и охраны этих прав.

Отсутствие легального определения понятия вещного права в сочетании со схематичностью норм о праве собственности, весьма спорным решением вопроса о формах собственности, на практике приводит к непониманию особых качеств вещных прав. На всю Россию раздаются команды заключать договоры на оперативное управление имуществом с образовательными учреждениями. Арбитражные судьи иногда не могут опознать виндикационный иск, а в результате, по официальным данным, кассационная инстанция отменяет более 40% судебных актов.

В-третьих, представляется целесообразным возвратиться к жесткому регулированию отношений с участием предприятий – монополистов через систему плановых (административных) актов и восстановлению правовой формы длительных хозяйственных связей. Это позволило бы разрушить хотя бы в границах России преступную сеть перепродавцов энергии.

В-четвертых, статус казенного предприятия необходимо сделать более прозрачным с тем чтобы исключить бесконтрольное вливание в них огромных бюджетных средств.

В науке первоочередной задачей является разработка общей теории услуг. Это старая проблема, только сейчас на фоне лавины подзаконных актов и обширной судебной практики потребность в научных и соответственно в легальных понятиях ощущается еще более отчетливо. Возможна разработка на уровне федерального закона общего акта об оказании услуг в РФ. Его появление не отразилось бы существенно на системе ГК.

Просматривается тенденция на сближение гражданского права с трудовым. Наиболее прогрессивные представители науки трудового права вынуждены соглашаться с отсутствием общей части трудового права и необходимостью использования богатого арсенала гражданского права. Широкое поле для обогащения обеих отраслей – найм труда в условиях рынка.

Парадоксальным оказался результат многолетней скрупулезной работы узкого круга отечественных фамилиаристов. В новом Семейном кодексе гражданское право прочно заняло свои исконные позиции. Предмет регулирования еще больше расплылся, усилилась диспозитивность, оттеснив императив как специфику отрасли. Даже не специалисту стало видно дублирование целых институтов (общая собственность, опека и др.).

Текст Семейного кодекса без цивилистической правки вызывает в ряде мест недоумение и разочарование. В ч.3 ст.34, как и 30 лет тому назад, звучит раскритикованная на всех конференциях и во множестве публикаций норма: “Имущество, нажитое супругами во время брака, является совместной собственностью”. Имущество здесь понимается в широком смысле, как различные имущественные права (М.Г. Масевич. Комментарий к Семейному кодексу, М. Бек, 1996, с.95). Но обязательственные права (кредиторские требования) не могут принадлежать на праве собственности. Какие же могут быть упреки в адрес судьи из глубинки, не различающего вещные и обязательственные права?

Качество Семейного кодекса не может удовлетворить еще и потому, что в нем не отражены результаты научных разработок предшествующих лет. По-прежнему у нас в законе нет понятия семьи, нет формулы члена семьи, с помощью которой можно работать в других отраслях. Отсутствует система родства, веками служащая в других правовых системах и в дореволюционной России. В ситуации, когда государство не обеспечивает элементарного существования миллионов своих граждан, можно было нажать на “родственную кнопку” с помощью Семейного кодекса. В ближайшие годы делом техники может стать безболезненное возвращение семейного права в лоно матери-цивилистики.

О ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ЭЛЕМЕНТА МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Зарубина О.В.

Обращаясь к вопросу о месте и роли юридической ответственности в механизме правового регулирования общественных отношений различных эпох, в различных государственных образованиях, оставивших правовые памятники, обратим внимание на следующее.

1. В период становления государства юридические памятники отличаются тем, что устанавливают очень строгую ответственность за нарушение норм права. Так, законы Хаммурапи (1792-1750 гг. до н.э.) приняты, “чтобы сильный не обижал слабого, чтобы сироте и вдове оказывалась справедливость, ... чтобы судился суд в стране, чтобы решались приговоры в стране, чтобы притесненному оказать справедливость”, предусматривают широкое применение различных видов смертной казни. Законы XII таблиц, древнейший памятник римского права, записаны, согласно традиции, в середине V в. до н.э., т.е. в начальный период ранней республики. Преславные законы XII таблиц содержали два постановления, из которых одно уничтожало всякие отступления от закона в пользу отдельных лиц, а другое запрещало выносить приговоры о смертной казни римского гражданина иначе, как в народных собраниях. При этом (Авл Геллий) не считалось суровым постановление закона, карающего смертной казнью судью или посредника, назначенного при судоговорении (для разбирательства дела) и уличенного в том, что принял денежную мзду по (этому) делу. Законы предусматривали суровое долговое право, строго охраняли право собственности, предусматривая наказания вплоть до смертной казни за его нарушение.

2. В период распада мировых держав наблюдается смягчение юридической ответственности, сведение ее к незначительным мерам, несоизмеримым с первоначально установленными. Так, аграрный закон III в. до н.э. как будто и вовсе не содержит в себе гарантов исполнения нормы – юридической ответственности. Но не это является причиной скорой его отмены. Это всего лишь признак несовершенства принятого закона. Причина его отмены состоит в том, что скоро был повержен авторитет законодателя – Гая Гракха.

Во время своего правления Юлий Цезарь вопреки всеобщим ожиданиям погашения долгов постановил, чтобы должники удовлетворили займодавцев посредством своих имений, кары за преступления усилил. А так как для состоятельных людей совершить преступление было тем легче, что они могли идти в изгнание со своим имуществом, то он, как пишет об этом Цицерон, наказанием для убийц назначил полную конфискацию имущества, а для прочих преступников – половинную. Юридическая ответственность в последний период Римской республики очень слаба. Здесь же наблюдается полное падение нравов. Стараясь поправить положение, Юлий Цезарь творил суд с величайшей тщательностью и строгостью. Сенаторов, уличенных в лихоимстве, он даже удалил из сословия. Он расторгнул брак одного бывшего претора, который заключил его всего два дня спустя после развода его невесты с ее первым мужем, хотя подозрения относительно прелюбодеяния здесь не было.

То же наблюдаем при сравнении юридических памятников в Афинской рабовладельческой демократии: законов Драконта и законов Солона. Солон уже смягчает предшествующее законодательство, а последующее постановление народного собрания при решении судьбы восставших милитян 428 – 427 г.г. до н.э., поддержала мнение демократа Диодота, который указывал, что “ошибаться по природе свойственно всем людям, в частной и государственной жизни и что выгоднее снести обиду, нежели стоя на основах права, истребить тех, кого – по мнению Диодота – “не следует”. “В это время основы государственной жизни были потрясены. Человеческая природа, которой свойственно впадать в преступления вопреки закона, взяла верх над последними и с наслаждением проявляла себя, не сдерживая страсти, господствуя над правом и враждуя с лицами имеющими превосходство” (Фукидид, История, III, с.84).

Признаки указанных тенденций обнаруживаются при изучении правовых источников Индии.

3. Тенденция к смягчению юридической ответственности тесно связана с трансформацией представления о том, что является источником закона. Как правило первоначально закон возникает из сакраментального источника: Законы Хаммурапи исходят от великого Ану – почитаемого бога неба; Энлиля – владыки небес и земли, судящего судьбы страны для того, чтобы бог солнца и правосудия